

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.01.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-2-71-76

Дата принятия рукописи в печать: 12.03.2026 г.

ФРОЛЕНКОВ Георгий Викторович,

Адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: georg240@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ПРИЗНАКУ ПУБЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретических основ конструирования составов преступлений с использованием оценочного признака публичности. Предметом настоящей работы выступает процесс нормативного закрепления признака публичности с позиции уголовно-правового конструирования в отдельных составах преступлений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Целью исследования является выявление существующих закономерностей использования признака публичности при конструировании отдельных составов преступлений, и оценка соответствия применяемых законодательных конструкций существующим в науке уголовного права требованиям юридической техники и правилам конструирования составов. При написании научной статьи использовались метод анализа, формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. В результате исследования даются попытки обоснования абстрактной природы признака публичности, выявлены основные модели его использования законодателем при конструировании составов и существующие системные недостатки.

Ключевые слова: состав преступления, конструирование составов, признак преступления, публичность, признак публичности, оценочный признак, юридическая техника.

FROLENKOV Georgy V.,

Adjunct Student at the St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

THEORETICAL BASIS FOR CONSTRUCTING CRIMES BASED ON THE FEATURE OF PUBLICITY

Annotation. This article examines the theoretical foundations for constructing crimes using the evaluative criterion of publicity. The subject of this study is the process of normatively enshrining the criterion of publicity from the perspective of criminal-legal construction in certain crimes of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify existing patterns in the use of the criterion of publicity in constructing certain crimes and to assess the compliance of the applied legislative structures with the requirements of legal technique and the rules for constructing crimes in criminal law. In writing this research article, I used analytical, formal-legal, system-structural, and comparative legal methods. The study attempts to substantiate the abstract nature of the public element, identifying the main models of its use by legislators in constructing criminal offences, and identifying existing systemic shortcomings.

Key words: elements of a crime, construction of criminal offences, elements of a crime, publicity, publicity element, evaluative element, legal technique.

Изучение оценочного признака публичности, характеризующего такие составляющие объективной стороны преступления как способ и обстановку, приводит к необходимости осмысления процесса и теории конструирования составов преступления, того, каким образом

законодатель использует анализируемый признак в тех или иных запретительных уголовно-правовых нормах.

Поставленная проблема требует двухстороннего анализа, во-первых в области правотворческого процесса, общей теории права и уголов-

ного права для понимания формирования законодательной воли относительно криминализации того или иного поведения [1, с. 17-19] и трансформации ее в абстрактные юридические конструкции состава преступления [2, с. 36-37], а во-вторых, с точки зрения уголовно-правовой теории относительно правил, критериев, методов, средств и способов конструирования состава преступления.

Для понимания теоретических основ конструирования составов преступлений по признаку публичности, выделения особенностей необходимо осветить современные точки зрения на «состав преступления», его понятие структуру, сущность и значение

Определение данного термина законодательно не сформулировано. В науке авторы оперируют такими формулировками как юридическая (правовая) конструкция [3, с. 17], абстракция (научная, юридическая или законодательная), законодательная модель, системно-юридическая модель [4, с. 10-11], правовая категория [5, с. 66], информационно-правовая модель [5, с. 81], «ядро» («скелет», «остов») преступления [2, с. 39].

В теории уголовного права все множество точек зрения на сущность состава преступления группируют в нормативистский (Состав преступления рассматривается как описание реального явления - преступления, осуществляемое посредством фиксации его конструктивных признаков в Уголовном кодексе), объективистский (Состав преступления, наряду с преступлением, рассматривается в качестве явления объективной реальности, имеющего пространственно-временные границы. Как система, он состоит из элементов и признаков, образующих внутреннюю структуру конкретного преступного деяния) и «абстрактный» (Восприятие состава преступления как научной абстракции) подходы. Вместе с тем, следует признать, что это деление весьма условно, поскольку большинство ученых занимают смешанную позицию, давая определения, которые подходят и под объективистскую и под нормативистскую позицию, а так же указывая на абстрактность данной категории.

Углублённое исследование состава преступления, проведённое Р.А. Комягиным, позволило ему сформулировать проблемы нормативистского и объективистского подхода и предложить собственную теорию, основанную, фактически, на попытке соединить оба подхода, определив состав преступления как комплексную двухуровневую уголовно-правовую категорию, где первый уровень – это уровень законодательного определения состава в диспозиции уголовно-правовой нормы, а второй – существование состава преступления как реального явления в объективной

действительности. Причем автор приходит к довольно спорному выводу о соединении в диспозиции уголовной нормы двух абстракций: общего и видового состава преступлений и одной объективной реальности: единичного преступного деяния [6, с. 11-12]. Следует отметить, что право в целом, и отдельная правовая норма всегда имеют абстрактный, обобщенный характер, то есть описывает абстрактный типизированный вариант поведения, который при возникновении правоотношения конкретизируется применительно к субъекту, времени, месту и иным обстоятельствам. Конструирование состава преступлений – это всегда построение абстрактной модели.

В науке уголовного права предложено несколько трактовок понятия конструирования состава преступления. Д. В. Решетникова считает, что это «особая юридическая деятельность, в результате которой на базе научно обоснованных правил определяются и разрабатываются внешние формы и структура внутренне логичного, функционально оправданного и встроенного в систему действующего уголовного законодательства «corpus delicti», включая взаимное расположение его составных частей и внутреннее строение каждого компонента» [7, с. 27].

Критикуя указанное определение, А.В. Иванчин указывает на некоторую идеалистичность (логичное, функциональное и вписывающееся в систему законодательства построение «corpus delicti» в современных реалиях правотворчества есть не закономерный результат конструирования, а скорее его предполагаемая цель) и узость (не фигурирует разработка содержания признаков состава) дефиниции [1, с. 36]. С некоторой неполнотой можно согласиться, и даже добавить, что «встроенность» «corpus delicti» должна быть не только в систему уголовного законодательства, но и в систему действующего законодательства вообще: конструирование диспозиции в УК РФ как бланкетной, требует учета норм различных отраслей права в системной взаимосвязи.

И.В. Иванчин предлагает рассматривать конструирование состава преступления как «процесс реализации идеи запрета общественно опасного поведения, формируемой на основе правотворческих факторов (криминологических, политических, экономических, исторических и др.), путем разработки и закрепления в уголовном законодательстве определенной комбинации признаков данного поведения и определения их содержания» [Там же, с. 35]. Ученый определяет конструирование состава преступления как часть законотворческого процесса, причем обособляет этот этап от стадии формирования законодатель-

ной воли (идеи), поскольку законодательная техника не имеет отношения к законодательной воле [3, с. 7-8].

Далее автор пишет, что «конструировать — значит, «создавать конструкцию чего-нибудь, строить» либо «вообще создавать что-нибудь», поэтому с филологической точки зрения допустима как узкая трактовка термина «конструирование» — построение, так и широкое его понимание — создание» и проводит аналогию: «создание права (правотворчество), более широкое понятие в сравнении с законодательной техникой, не затрагивающей существо законодательного решения» [1, с. 36].

О.В. Ермакова использует термин «моделирование состава преступления»; определяет его как «деятельность по формированию моделей конкретных составов преступлений, отражающих особенности реально существующих общественно опасных деяний» и выделяет в указанной деятельности такие этапы как: «анализ общественно опасного деяния как явления объективной действительности, отбор обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления, юридическое выражение каждого признака, вида конструкции, а также момента окончания преступления» [8, с. 21-22].

Предложенное В.В. Ермаковой определение представляется наиболее полным. Конструирование состава преступления — это многоаспектная деятельность: правотворческий ее аспект охватывает формирование идеи законодателя, идеи законопроекта и воплощение указанных идей в правовой норме, научный же аспект предполагает развитие уголовно-правовых представлений о составе преступления, связующим звеном же между этими аспектами являются инструментарий юридической техники.

Наиболее верно определил связь между конструкцией состава преступления и описанием ее в уголовном законе В.Н. Кудрявцев, который писал, что «законодатель, разумеется, образует не состав, а уголовно-правовую норму, в которой с большей или меньшей полнотой описываются признаки состава преступления. Диспозиция статьи закона, таким образом, только определяет элементы состава преступления, и то обычно не в полном объеме» [9, с. 46-47].

Научная модель состава преступления (как и любая научная модель) основана на трех принципах: принцип объективности предусматривает, что то, что составляет реальность, не обязательно соответствует тому, как мы ее воспринимаем; принцип понятности определяет, что реальность постижима в той степени, в которой мы ищем определенные взаимосвязи между фактами; принцип рациональности предполагает, что

взаимосвязи могут быть выражены посредством структурированного рассуждения, следующего логическим правилам. Таким образом, научная модель должна включать набор явно определенных понятий с определенными отношениями между ними. Модель — это лишь упрощенное, относительное, неполное и временное представление части реальности или явления. Модель всегда проще, беднее реальности, того объекта, явления или процесса, который она должна представлять и объяснять. Это средство, используемое как для представления, так и для изучения явления, посредством выделения его структурных или функциональных свойств, которые считаются наиболее важными; это интеллектуальный инструмент. Она никогда не является ни реальностью, ни изучаемым явлением.

А.В. Иванчин сформулировал систему правил конструирования состава преступления, сгруппировав их в четыре блока: межотраслевой; внутриотраслевой; криминологическо-композиционный (инженерно-технический); логически-языковой.

Среди криминологическо-композиционных правил А.В. Иванчин называет следующие: а) состав преступления должен адекватно отражать объективную реальность; б) признаки, вводимые в основной или недифференцированный (автономный) состав преступления, в своей совокупности должны отражать общественную опасность запрещаемого поведения, а вводимые в квалифицированный или привилегированный — существенное изменение ее уровня; в) при конструировании состава преступления следует учитывать криминологические показатели запрещаемого поведения (типичность, распространенность и т. д.); г) состав преступления должен быть непроблемным (требование полноты состава); д) состав преступления должен быть оптимальным по законодательной конструкции (набору признаков), т. е. включать все необходимые и не содержать лишних; е) законодатель должен стремиться к изоморфизму (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений.

Другие авторы выделяют такие правила уголовно-правового законодательства как «внутренняя согласованность уголовного законодательства, стройность архитектоники уголовно-правовой нормы, строгость стиля, ясность, простота и доступность языка и др.» (А. И. Коробеев) [10, с. 111], «полнота состава, беспроблемность закона, отсутствие избыточности» (Т. Р. Сабитов) [11, с. 162-171].

Правила уголовного законодательства обуславливают отбор необходимого для воплощения законодательной идеи в юридическую оболочку инструментария юридической техники.

Изучение статей Особенной части УК РФ показало, что при введении признака публичности в нормы статей законодатель использует следующие инструменты юридической техники.

- 1) В литературе состав преступления определяется как юридическая (правовая) конструкция. Конструирование уголовно-правовой нормы Особенной части УК РФ является научно-правотворческой деятельностью по созданию законодательной модели общественно опасного поведения. Изучение признака публичности через призму теории уголовно-правового конструирования состава преступления позволит выявить системные проблемы его применения и предложить рекомендаций по совершенствованию норм уголовного закона.
- 2) Наблюдается определенное стремление законодателя к унификации и отраслевой типизации отражения в уголовном законе признака публичности в следующих основных вариантах:
 - как квалифицирующего признака со стандартной формулировкой «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» в статьях о преступлениях против личности (ст. ст. 105, 111, 112, 115, 117, 119, 126, 127 и 127.2 УК РФ), экологических преступлениях (ст. ст. 258.1, 260.1 УК РФ); преступлении против общественной нравственности (ст. 245 УК РФ) либо стандартной формулировкой «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» которая применена законодателем в ст. ст. 110, 110.1, 110.2, 137, 151.2 УК РФ. Законодатель использует два разных языковых шаблона, что порождает вопрос о причинах такого выбора. Такой подход не является технической ошибкой, а отражает комплекс догматических, политических и процедурно-технических причин.
 - формулирование основного состава с использованием признака «публичность» и введение квалифицирующего признака со стандартной формулировкой «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»». Такая конструкция используется законодателем для составов публичных призывов (к осуществлению террористической деятельности, ст. 205.2 УК РФ; к

осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, ст. 280.1 УК РФ и к осуществлению деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности Российской Федерации, ст. 280.4 УК РФ).

Стоит отметить, что в составах статей 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 242 УК РФ (незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов), 242.1 УК РФ (использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов), 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма) законодатель использует тот же подход к конструированию основного и квалифицированного составов, однако исключает электронные сети из перечня используемых средств совершения преступления.

Следует упомянуть, что в законодательстве отсутствует четкое разграничение между понятиями «информационно-телекоммуникационная сеть» (легальное определение которой приведено в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и «электронная сеть» (которая легального определения не имеет). Как справедливо указывают Л.Г. Литвяк, Е.Н. Пирогова, фактический смысл этих терминов в нормативных актах совпадает, что делает их раздельное использование в диспозициях статей УК РФ технически необоснованным и порождающим проблемы в правоприменении [12, с. 94-95].

В статье 354 УК РФ «публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» законодатель в качестве квалифицирующего признака указывает только «использование средств массовой информации», не упоминая ИТКС, что, по нашему мнению, нарушает внутреннее единство уголовного закона, создавая необоснованное исключение для одного из преступлений против мира и безопасности. Норма ст. 354 УК РФ является одной из старейших в УК РФ (действует с 1996 года, изменения вносились один раз, в 2003 году) и она могла просто «выпасть» из поля зрения законодателя в ходе многочисленных точечных изменений других статей, которым уделялось больше внимания в последние годы.

Исходя из правил конструирования состава преступления, изложенных выше, прослеживается нарушение криминологического-композиционных требований, в частности оптимальности законодательной конструкции и изоморфизма. Норма

ст. 354 не является полной (беспробельной) для современных условий. Она не содержит всех необходимых признаков для адекватной квалификации деяния, поскольку исключает из квалифицированного состава основной канал коммуникации XXI века – информационно-телекоммуникационные сети, перестала соответствовать объективной реальности.

Неоднократные разъяснения ВС РФ о том, что публичный характер деяния может проявляться в использовании средств массовой информации и ИТКС, поднимают вопрос о логике законодателя, который в указанных выше статьях использует в основном состав признак публичности, а в квалифицированном – усиливает наказание за совершение преступления с использованием СМИ и ИТКС.

Необходимо отметить, что признаки, вводимые в квалифицированный состав должны отражать существенное изменение уровня общественной опасности запрещаемого поведения. Размышляя, в каких случаях использование СМИ и ИТКС повышает степень общественной опасности преступления, А.Г. Хлебушкин приходит к выводу, что как минимум, указанные средства «открывают больше возможностей перед виновным лицом — как минимум в части расширения круга потенциальных» адресатов [13, с. 141]. Развивая мысль А.Г. Хлебушкина, можно утверждать, что законодатель, разделяя основной состав с признаком «публичность» и квалифицирующий с признаком «с использованием СМИ или ИТКС», стремится отразить качественное, а не только количественное, изменение общественной опасности. Публичный призыв на митинге остаётся локализованным во времени и пространстве. Размещение в сети делает его постоянно актуальным, поскольку контент доступен для поиска и распространения неограниченное время; не локализованным в пространстве; трудноуничтожимым, так как удаление с одного ресурса не гарантирует ликвидацию всех электронных копий. Следует признать, что выбор такого способа обнародования негативного контента, максимально усиливает его деструктивный потенциал.

- в качестве кримнообразующего признака, в различных формулировках. Законодатель использует вариации и комбинации двух базовых конструкций: «публичность + использование СМИ или ИТКС» и «оценочный признак публичность + оценочное понятие (объявление, оправдание, призывы, заявление, распространение, демонстрация, оскорбление).

Анализ показывает, что законодатель активно применяет унификацию и отраслевую

типизацию как инструменты юридической техники, однако их применение в контексте использования признака публичности непоследовательно, что порождает ряд системных проблем.

- 1) Публичность – оценочный признак, соответственно, можно утверждать, что законодатель при конструировании норм с этим признаком использует абстрактный прием. Вместе с тем, конкретизация способа публичного распространения информации путем прямого указания на использование СМИ, электронные сети и ИТКС говорит о сочетании казуального и абстрактного приемов, поскольку «во всех случаях законодатель использует открытый перечень способов публичной демонстрации, указывая на СМИ и интернет лишь в качестве примеров» [14, с. 265].
- 2) При конструировании нормы статьи 205.2 УК РФ – «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» законодатель применил прием правового дефинирования, определив в примечании 1 к статье понятие «публичное оправдание» терроризма как публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. С точки зрения правил юридической техники и доктрины уголовного права указанная дефиниция содержит ряд существенных недостатков: не позволяет провести четкую границу между «оправданием» и «призывами» к терроризму, является пробельной, поскольку не даёт ясных критериев и использует оценочные понятия («публичное заявление»), не отвечает требованию ясности, простоты и однозначности, сформулированному А.И. Коробеевым. Такое нормативное трактование никак не помогает правоприменителю в уяснении содержания признака публичности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что конструирование составов преступлений с использованием признака публичности представляет собой сложную многоаспектную деятельность, сочетающую правотворческий и научно-доктринальный аспекты, реализуемый посредством юридической техники. Являясь оценочным признаком публичности изначально предполагает абстрактный способ своего описания, что обуславливает повышенные требования к логической обоснованности и системности его нормативного закрепления.

Список литературы:

- [1] Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва: Проспект, 2014. 293 с.
- [2] Крылова Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. №4. С. 26-43.
- [3] Иванчин А.В. Теория конструирования состава преступления: практикум / А. В. Иванчин; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2014. 352 с.
- [4] Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 238 с.
- [5] Сирик М.С. Состав преступления как правовая категория // Закон и жизнь. 2018. №3. С. 64-72
- [6] Комягин Р.А. Состав преступления: теоретическое моделирование понятия, структуры и соотношения с преступлением: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2022. 255 с.
- [7] Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.08. Самара, 2012. 232 с.
- [8] Ермакова О.В. Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4.Барнаул, 2023. 551 с.
- [9] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.
- [10] Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1987. С. 105-123.
- [11] Сабитов Т. Р. Система уголовно-правовых принципов. М.: Проспект, 2012. 235 с.
- [12] Литвяк Л.Г., Пирогова Е.Н. К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №11-2. С. 93-96.
- [13] Хлебушкин А.Г. Особенности квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // КриминалистЪ. 2024. №2 (47). С. 136-142.

[14] Левандовская М.Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности // Юридическая наука. 2024. №10. С. 263-267.

References:

- [1] Ivanchin A.V. Design of corpus delicti: theory and practice: monograph/rev. ed. L. L. Kruglikov. Moscow: Prospect, 2014. 293 c.
- [2] Krylova N.E. Discussion issues of the doctrine of corpus delicti//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2012. №4. S. 26-43.
- [3] Ivanchin A.V. Theory of crime design: workshop/A.V. Ivanchin; Tikhonovskaya. state university named after P. G. Demidov. Yaroslavl: Yargu, 2014. 352 c.
- [4] Soloviev A.N. The concept of crime: theoretical, legislative and law enforcement aspects: dis.... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2000. 238 c.
- [5] Sirik M.S. Corpus delicti as a legal category//Law and life. 2018. №3. S. 64-72
- [6] Komyagin R.A. Corpus delicti: theoretical modeling of the concept, structure and relationship with the crime: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08. Saratov, 2022. 255 c.
- [7] Reshetnikova D.V. Design of corpus delicti by the time of completion: issues of legislative technology and judicial practice: diss.... cand. jurid. Sciences:: 12.00.08. Samara, 2012. 232 c.
- [8] O.V. Ermakova. Conceptual basis for reflecting a socially dangerous act and the mechanism for its commission in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.4. Barnaul, 2023. 551 c.
- [9] Kudryavtsev V.N. The objective side of the crime. M., 1960. 244 c.
- [10] Korobeev A.I. Soviet criminal law policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok: Far Eastern State University, 1987. S. 105-123.
- [11] Sabitov T. R. System of Criminal Law Principles. M.: Prospect, 2012. 235 c.
- [12] Litvyak L.G., Pirogova E.N. On the concept of electronic or information and telecommunication networks for the purposes of the criminal law// Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. №11-2. S. 93-96.
- [13] Khlebushkin A.G. Features of qualification of terrorist and extremist crimes committed using mass media or electronic or information and telecommunication networks//Criminalist. 2024. №2 (47). S. 136-142.
- [14] Levandovskaya M.G. Conditions for applying a uniform approach to the construction of a qualifying sign of public demonstration of the commission of crimes against the person//Legal science. 2024. №10. PP. 263-267.